

Преддверие сшибки!

Армия графа Любека насчитывает двадцать тысяч! Армия Широ́на – почти тридцать тысяч!

И близок миг, когда обе стороны с яростным криком сойдутся в бою!

Опираясь на огрызок древка копья, Широ́н поднялся на ноги, чтобы командовать сражением. Приказ его был стремительно передан через командиров десятитысячных подразделений, тысячников и сотников.

«Бой примем на своей стороне ручья! На противоположную не переходить ни в коем случае! Отойти!»

Следующим действием Широ́н пленил графа Кунцмана.

Хрусть!

Всадив в правое плечо врага длинное копьё, он лишил того возможности продолжать бой, после чего ухватил за волосы и потащил за собой к берегу. И вновь закричал что есть мочи: «Как только враг войдёт в ручей, начинайте стрелять из луков и метать копья!»

Крик тот достиг ушей Любека. Граф спешно поднял руку, останавливая своих рыцарей.

«Всем стоять! Ручей не переходить!»

Кони заржали, становясь на дыбы. Бежавшие во весь опор солдаты Колома также были вынуждены остановиться, подняв тучи пыли.

Если их атакуют в момент переправы, они окажутся в крайне невыгодном положении. При том, что количество солдат Широ́на явно превышает двадцать пять тысяч. А за спиной, в так и не взятой крепости, тоже немалое число бойцов.

Граф Любек наскоро оценил ситуацию. По всем прикидкам выходило, что идти на сближение слишком рискованно.

Силы обеих сторон сейчас примерно равны. Войско Широ́на превосходит численностью, а армия Любека – количеством рыцарей. В такой ситуации даже малейшее изменение может принести как победу, так и поражение. И тот, кто первым войдёт в ручей, поставит себя в невыгодное положение.

Широ́н тоже это понимал, потому и приказал возвращаться к берегу. Ему не улыбалось потерять здесь своё войско. После всех трудов по его сбору?! Нет уж, сходитьсь с основными силами Колома в открытом бою в планах Широ́на не значилось.

Обе армии встали друг против друга, разделённые неглубоким, но весьма широким ручьём.

Широ́н стоял ровно, поддерживаемый своими тысячниками, и взирал на армию Колома. И, хоть держаться было трудно из-за травмированных колена и лодыжки, выражение его лица сохраняло неколебимость.

У ног Широ́на, на коленях, стоял поверженный Кунцман. Несмотря на то, что тело одного опутано сетями, а к горлу приставлены острые копья, солдаты не спускали с него глаз. Ведь они на своём опыте знали, как страшен этот медведеподобный мужчина.

С высоты своего коня, Любек внимательно разглядывал Широ́на. Сердце его гулко колотилось. И всё из-за этого парня.

Слишком молод, чтобы зваться главнокомандующим. Но уже способен вести за собой огромную армию. Притом достаточно смел и отважен, чтобы выйти против самого Кунцмана. Кроме того, умеет молниеносно оценить ситуацию. Да и стратегические его навыки внушают уважение. Ведь это в результате его огневого налёта Колом не досчитался двадцати тысяч солдат?

«Силён! Поверить не могу, что в Галике появилась подобная личность. Став героем войны, он сплотит всё королевство. И, если не проявим осторожность, уже Галик вторгнется в Колом!»

В груди похолодело. И тут ушей достиг голос Широ́на: «Продолжаем стоять! Без провизии Колом долго не протянет. А вскоре придут рыцарские отряды Галика, и тогда мы прикончим их вместе!»

Слова Широ́на заставили рыцарей Колома побледнеть. Простые солдаты, в основной своей массе, не говорят по-галикски, потому ничего из сказанного не поняли, но вот рыцари – совсем другое дело! Они уловили каждое слово – и оттого их душа ушла в пятки.

Граф Любек тоже был потрясён. Он чувствовал себя так, словно грудь сдавили тяжёлым камнем. И оттого стало труднее дышать.

Рыцарские подразделения Галика и впрямь уже на подходе?! Если это правда, промедление смерти подобно! Но и ежели броситься в атаку, форсировав ручей, серьёзных потерь не избежать.

И в этот момент отозвались защитники крепости. Пусть на таком расстоянии слова Широ́на расслышать не могли, горнисты затрубили, призывая в атаку. По всей видимости, павитонцы собрались опустить подъёмный мост и кинуться в бой.

Любек закрутил головой. Глаз зацепился за дорогу, ведущую вдоль ручья на север.

«Направившись по ней, мы попадём в северную долину павитонского хребта. Вскоре туда подойдёт первое рыцарское подразделение маркиза Гермюльдера. Возможно, прибывающие из Беньона основные войска Галика тоже направятся туда?»

На ум приходил лишь один путь – они должны добраться до северной долины и воссоединиться с первым рыцарским подразделением до того, как их настигнет основная армия Галика. А там уже решать, стоит ли принимать бой или же возвращаться на родину.

Войска Колома не привыкли отступать. Но в случае провала, и утраты всей армии, дома будут большие неприятности. Всё это пронеслось в голове Любека, пока он глядел на человека по имени Широ́н.

«Всем войскам – отступление! Отходим к северной долине!»

Губы графа сжались в узкую полоску, и только усилием воли он заставил себя говорить. Слово «отступление» он произносил впервые за всю жизнь. Глаза предательски покраснели.

Рыцари и солдаты замялись на месте. Приказа отступать не ожидал никто. Однако все видели, что ситуация и впрямь непроста.

И вот рыцари тронулись в путь. Солдаты затопали следом, плечи их поникли. Теперь бойцы выглядели измождёнными.

Широн не стал их преследовать, и без того зная, куда те направились. Конечно же, в долину на севере. Да и сам был слишком ранен и измотан, чтобы участвовать в погоне. И не только он, но и его солдаты.

«Колом бежит! Ура! Ура! Славься, Павитон! Да здравствует Галик!» – вскричал кто-то из солдат павитонской крепости, высунувшись из бойницы башни лучников.

Его слышали и поддержали остальные защитники, начав вопить и размахивать флагами. Люди ликовали всем сердцем, поскольку чувствовали себя буквально вернувшимися с того света.

Крики донеслись до войска Широно. И первыми отозвались на них командиры десятитысячных подразделений.

«Слава Широноу! Ура!»

Слова их подхватили тысячники, сотники, а затем и все остальные солдаты. И вскоре в небеса возносились дружные возгласы тридцати тысяч бойцов.

Северная долина имеет несравнимо больший уклон, нежели западная. И снег здесь ещё лежал, потому она была ещё и скользкой.

Солдаты Колома плелись по долине, то и дело поскользываясь. Все очень устали. Остатки побеждённой армии рассредоточились по округе, стараясь найти свободное деревцо, к которому можно прислониться и дать отдых измученному телу. Рыцари тоже шли в молчаливом унынии.

Любек встретил маркиза Гермюльдера с унынием на лице. Оказалось, что тот уже ждал их в долине.

«П-простите, маркиз. Я проиграл, поскольку был недостаточно хорош.»

Увидев лицо Гермюльдера, Любек упал на колени. Глаза его покраснели, а по щеке скатилась слезинка.

«Граф Кунцман в плену у врага, а третье рыцарское подразделение и двадцать тысяч его солдат почти полным составом стёрты с лица земли. Кх-х!»

От таких слов глаз маркиза Гермюльдера задёргался. Он ожидал чего-то подобного, поскольку видел спускавшихся в долину понурых солдат. Но всё же и помыслить не мог, что поражение будет столь бесславным. Потерять половину армии всего за пару дней – как в такое вообще можно поверить?!

«Аррх, да что же это такое?! Неужто сами Небеса против нашего вторжения? За что?! За что!..» – заорал, потрясая кулаками, маркиз.

Удивлённо моргнув, Любек поднял голову и тут заметил, что воины первого рыцарского подразделения тоже отнюдь не в лучшей форме. Все они выглядели крайне измученными и явно вываленными в снег. И хоть отряд должен был состоять из одних рыцарей, нигде не было видно их лошадей. Да что там – у многих даже оружия не было!

«Ч-что случилось?» – пролепетал граф. В груди возникло нехорошее предчувствие.

С хмурым видом маркиз Гермюльдер произнёс: «Во процессе спуска по крутому склону мы угодили в лавину. Я даже не представлял, что лавины могут быть столь жуткими. До сих пор в себя прийти не могу.»

«Как же так? Да ещё в такой момент?..»

Любек что есть силы зажмурил глаза. Слишком уж сокрушительным выглядел провал некогда великой армии Колома!

И всё же дух его ещё не был сломлен. Потому граф поинтересовался: «Насколько серьёзен ущерб? И сколько...»

«Сами рыцари пострадали не слишком сильно. Мы старались удержаться в верхних слоях снега. Из шестидесяти четырёх бойцов достоверно погиб лишь один, ещё четверо пропали без вести. Основная проблема – в лошадях. За исключением пары скакунов, мы утратили их всех. Кроме того, многие потеряли оружие и шлемы.»

Стараясь не терять надежду, граф задал ещё вопрос: «Много ли травмированных?»

Однако ответ Гермюльдера растоптал его ожидания.

«А как ты хотел?! Да одно то, что мы выжили в лавине – уже хорошо! В процессе экстремального спуска переломы или вывихи получили все. С такими травмами отдыхать нужно в течении месяца! Фуух...» – выдохнул в конце раздражённой тирады маркиз.

Он понимал, что в сходе лавины нет вины Любека, и всё же не мог не сердиться из-за того, что их отправили в такое опасное место.

Тон маркиза Любека расстроил вконец. Он и сам чувствовал вину за то, что допустил в плане ошибки, которые привели к такому плачевному результату.

«П-простите. Я, я!..»

Видя его раскаяние, Гермюльдер лишь ещё раз вздохнул. Да причём здесь Любек? В сходе лавины винить можно разве только Небеса...

Некоторое время оба молчали.

«Ну и что думаешь делать теперь? Как главнокомандующий, решения в этой войне принимать должен лишь ты, Любек. Потому я жду твоего вердикта.»

Несмотря на то, что план графа провалился, правом командования его наделил сам король Баньяк. И сложить с Любека полномочия мог только монарх. Вот почему маркиз интересовался мнением графа.

Любек в этот момент тоже думал о Баньяке фон Колом. Ведь тот поверил в его способности и поставил во главе сорокотысячной армии. Вот только половина из них уже уничтожена, причём даже в бой толком не вступив!

По щекам Любека катились горячие слёзы. Слезинки стекали к подбородку, после чего капали на ладони.

«Я д-думаю, нам следует уходить. Кх-х! Если продолжим сражение, то лишь покроем славой вражеского командира. А если наши войска разобьют окончательно, наверняка двинут отсюда в контрнаступление на Колом. Кх-хх!»

Не сказав ни слова, маркиз Гермюльдер уставился в небесную высь. Мог ли он подумать, когда скакал во весь опор к павитонскому хребту, что вернётся домой с таким позором?

Наконец, с тоской в голосе, он спросил: «Значит, таково решение Любека? Да?»

«Кх-х! Простите. Я хорошо понимаю, насколько ситуация позорна, но не смею рискнуть тем, что составляет национальное достояние Колома. Кх-хх!»

На этом граф уткнулся лицом в снег и зарыдал.

Некоторое время Гермюльдер безучастно, словно в какой-то прострации, взирал на эту картину. И вдруг расхохотался: «Ха-ха-ха, и что же я теперь скажу его величеству? А? Неужто вражеский командир так страшен? Страшен настолько, что заставил непобедимого Любека не то, что остановить штурм, но и настаивать на переходе в оборону? Хо-хо-хо!»

Наконец, маркиз сделал первый шаг...

Пока Гермюльдер не скрылся из виду, Любек всё не осмеливался поднять лицо. Слезы катились по его щекам непрерывным потоком.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680510>